

Кучер ответил:

— Маленький хоуе, это карета князя И.

Мо Жань и Гу Шаобай обменялись взглядами, и он тихо произнес:

— Это князь И, мне нужно пойти и отдать ему должное уважение.

Гу Шаобай кивнул.

Мо Жань откинул занавеску кареты и спрыгнул вниз. Большая карета с зелеными стенами, покрытая тунговым маслом, тихо стояла посреди дороги. Колеса из железного дерева и оглобли были обшиты железом и украшены золотыми гвоздями, а по углам свисали кисточки из красного шелка с восемью сокровищами. Это действительно была карета князя И.

Он подошел к карете и, сложив руки в приветствии, сказал:

— Мо Жань приветствует князя И!

Один из охранников поднял занавеску из зеленого бамбука, открывая Му Цинфэна, который сидел в официальной одежде, выпрямившись.

Увидев Мо Жаня, он слегка улыбнулся:

— Это Синьюнь? Слышал, ты недавно начал работать в Министерстве церемоний, как привыкаешь?

Мо Жань ответил:

— Благодарю за заботу, князь. Не могу сказать, что привык или нет, просто выполняю свои обязанности, чтобы облегчить бремя государства.

Услышав это, Му Цинфэн одобрительно кивнул:

— Хорошо, старый хоуе вырастил сына с умом. В столь юном возрасте уже понимаешь, что значит быть верным слугой. Со временем станешь настоящей опорой государства!

Он сделал паузу, а затем спокойно добавил:

— Скоро будет день рождения вдовствующей императрицы, и все в Министерстве церемоний заняты работой. Завтра начнут прибывать послы. Разве тебе сейчас не следовало бы быть в Министерстве?

Мо Жань внутренне напрягся. Действительно, сейчас он должен был бы быть в своем кабинете, занимаясь делами. К счастью, он заранее попросил отпуск у начальника, иначе сегодня князь И точно уличил бы его в ошибке. Говорят, что он строг и беспристрастен, и это действительно так!

Подумав об этом, Мо Жань поспешно сложил руки и сказал:

— Сообщаю Вашему Высочеству, что у меня назначена встреча с другом. Я уже попросил отпуск у своего начальника, заместителя министра уголовных дел, и вернусь через час.

— О? — Му Цинфэн приподнял бровь. — Друг? Кто же этот друг Синьюня?

Мо Жань украдкой взглянул на Му Цинфэна, мысленно раздраженно отметив, что князь И слишком уж любопытен. Что ему до моего друга? Но, как бы он ни думал, ответить было необходимо.

— Ваше Высочество, моего друга зовут Гу Шаобай.

На лице Му Цинфэна внезапно появилась задумчивая улыбка.

— О, так это старый знакомый. Почему бы не пригласить его выйти?

Старый знакомый? Мо Жань был озадачен. Когда Гу Шаобай и князь И стали старыми знакомыми?

Он не успел ответить, как Гу Шаобай, сидевший в карете, уже все услышал и понял, что скрываться бесполезно. Ему пришлось откинуть занавеску и выйти из кареты.

Му Цинфэн наблюдал, как он приближается, и его сердце расцвело, как бутон лотоса. Полмесяца они не виделись, и Гу Шаобай немного поправился, его лицо стало белее и прозрачнее, а ладони, которые были видны, уже освободились от бинтов. Видимо, раны зажили.

Гу Шаобай подошел ближе, опустив голову, и уже собирался совершить глубокий поклон, как вдруг услышал чистый и ясный голос Му Цинфэна:

— Шаобай, не нужно кланяться!

Этот голос был теплым и мягким, совсем не таким, как холодный тон, которым он разговаривал с Мо Жанем.

Гу Шаобай выпрямил слегка согнутые колени, даже не собираясь искренне кланяться. Он сложил руки в приветствии:

— Простолюдин приветствует князя!

Му Цинфэн на мгновение замер, и в его голосе мелькнула едва уловимая грусть:

— Шаобай, ты...

Он смотрел на холодное и отстраненное, почти едкое лицо Гу Шаобая, словно все те нежные и романтические моменты из прошлого были лишь его собственными иллюзиями.

Ему так хотелось спрыгнуть с кареты, схватить его за воротник и спросить: как человек может быть таким бессердечным!

Гу Шаобай смотрел на толстый слой золотых листьев гинкго под ногами, сам не зная, о чем думает. Он намеренно забывал, забывал, как когда-то любил его, как ненавидел; намеренно игнорировал, игнорировал нынешнее взаимное притяжение, тревожное сердцебиение...

Он больше не мог найти причин, чтобы любить до смерти, и больше не имел сил, чтобы отдаваться полностью.

Прохладный осенний ветер поднялся, и листья падали, как снег.

Мо Жань приказал кучеру остановить карету у обочины, чтобы пропустить карету князя И.

Звон колокольчиков раздавался в воздухе, копыта лошадей стучали по каменной мостовой. Когда кареты разъехались, Му Цинфэн откинул занавеску и посмотрел наружу. Фигура в голубом халате постепенно удалялась, но так и не подняла взгляда, чтобы посмотреть в его сторону, даже на мгновение.

Только когда зеленая карета скрылась из виду, Гу Шаобай наконец поднял глаза. Его взгляд был туманным, словно он сквозь стенки кареты видел его прямую спину и слышал сдавленный вздох, застрявший в горле...

— Шаобай, Шаобай...

В повторяющемся зове Мо Жаня Гу Шаобай медленно вернул взгляд, но в его глазах была густая печаль, которая никак не могла рассеяться.

Мо Жань был ошеломлен. На лице Гу Шаобая явно читалось одиночество.

— Шаобай, ты...

Гу Шаобай поднял полы халата и сел в карету. Он молча прислонился к углу кареты, закрыл глаза и через некоторое время тихо вздохнул:

— Синьюнь, ты когда-нибудь любил кого-нибудь?

— А? — Мо Жань растерялся. Он не понимал, почему третий молодой господин задал такой вопрос. Пока он подбирал слова, Гу Шаобай продолжил:

— Любить кого-то — это утомительно.

Мо Жань недавно влюбился в единственную дочь министра Лю, Лю Мэйшэн, и был погружен в свои чувства до полного забвения. Однако красавица даже не подозревала о его чувствах, и он невольно вздохнул с сочувствием:

— Да, это утомительно.

Гу Шаобай, то ли услышав, то ли нет, сидел, занавеска кареты развеивалась, и в мелькающем свете солнца его изысканные черты лица казались покрытыми слоем сложных переживаний.

Он вспомнил себя в прошлом, как был тронут письмами поддельного Чжоу Фэна, которые приходили каждый день. Те нежные слова, наполненные любовью, словно паутина, опутали его, и он добровольно подчинился. Когда он получил тот свиток с надписью «Зная, что пока я жив, любовь жива, с тоской взираю на шум воды у речного истока», он окончательно погрузился в эту любовь, погрузился так глубоко, что уже не мог выбраться.

Кто говорил, что Му Цинфэн не умеет писать стихи и не умеет писать каллиграфию? Он горько усмехнулся, радость и боль были так ясны, как пожелтевшие страницы книги, которые легко перелистывались легким дуновением ветра, и невозможно было не вспомнить все снова.

Большая и маленькая кареты разъехались в разные стороны, постепенно удаляясь.

Эта дорога была задним переулком самого большого чайного дома в столице, «Вэньсужай». На втором этаже было приоткрыто окно, и за ним скрывалось безбородое лицо Ван Сыдао.

— Это тот самый третий молодой господин из семьи Гу, который вернулся в столицу с князем И?

— Да, — Дуань Яньчэнь налил горячий чай в чашку. — Не ожидал, что князь И, который всегда смотрел свысока, вдруг проявил интерес к этому молодому господину из семьи Гу. Говорят, что на пути из Мобэя в столицу он жил с ним в одной карете и много заботился о нем... Но и неудивительно, ведь внешность этого молодого господина действительно вызывает симпатию.

Один уголок губ Ван Сыдао поднялся в насмешке.

— Я думал, что князь И — это непробиваемый щит, но, оказывается, у него тоже есть слабое место.

Он поднял чашку и смотрел на чайный лист, который медленно разворачивался в кипятке.

— Му Цинфэн, не дави на меня слишком сильно, иначе, если случится катастрофа, это будет не моя вина...

Через некоторое время Дуань Яньчэнь неуверенно спросил:

— Сейчас весь двор занят подготовкой к дню рождения вдовствующей императрицы, и еще не было принято решение по делу Гэ Чуньхуэя и Сунь Биньцзы. После праздника, когда цензоры подадут доклад, император, вероятно, согласится с предложением Палаты Дали и применит наказание к Гэ Чуньхуэю и молодому господину Сунь.

Он посмотрел на Ван Сыдао.

— Тогда, возможно...

Ван Сыдао поднял руку, останавливая Дуань Яньчэня. Он откинулся на спинку кресла и долго молчал, пока чай не остыл. Наконец он произнес:

— Яньчэнь, организуй это. Я хочу встретиться с Биньцзы.

Закончив, он не стал ждать, пока Дуань Яньчэнь принесет свежий чай, и выпил холодный чай до дна. Горький вкус распространился от горла до груди, превратившись в невыразимую боль.

У покойного императора было не много детей. Нынешняя вдовствующая императрица — родная мать императора. После рождения трех принцесс она наконец родила третьего сына, который стал императором.

Император правит с добротой и сыновьей почтительностью, и с момента основания династии Даинь страна достигла небывалого расцвета. Казна полна, и в стране царит мир. Поэтому, в честь шестидесятилетия вдовствующей императрицы, император не только объявил всеобщую амнистию, но и построил для нее новую резиденцию, названную «Дворец Мэйшоу», что означает «долголетие и счастье», чтобы подчеркнуть сыновнюю преданность императора, как ворона, кормящего своих родителей.

За три дня до дня рождения вдовствующей императрицы все гостиницы в Цзинлине были переполнены. Чиновники и послы со всей страны и из других государств съезжались в столицу, чтобы поздравить ее. Город Цзинлин был на пике своей активности и славы.

Авторское примечание:

Малышка так расстроена, два дня не обновляла, и уже теряю подписчиков. Дорогие мои, не бросайте меня!

<http://bllate.org/book/16730/1538863>